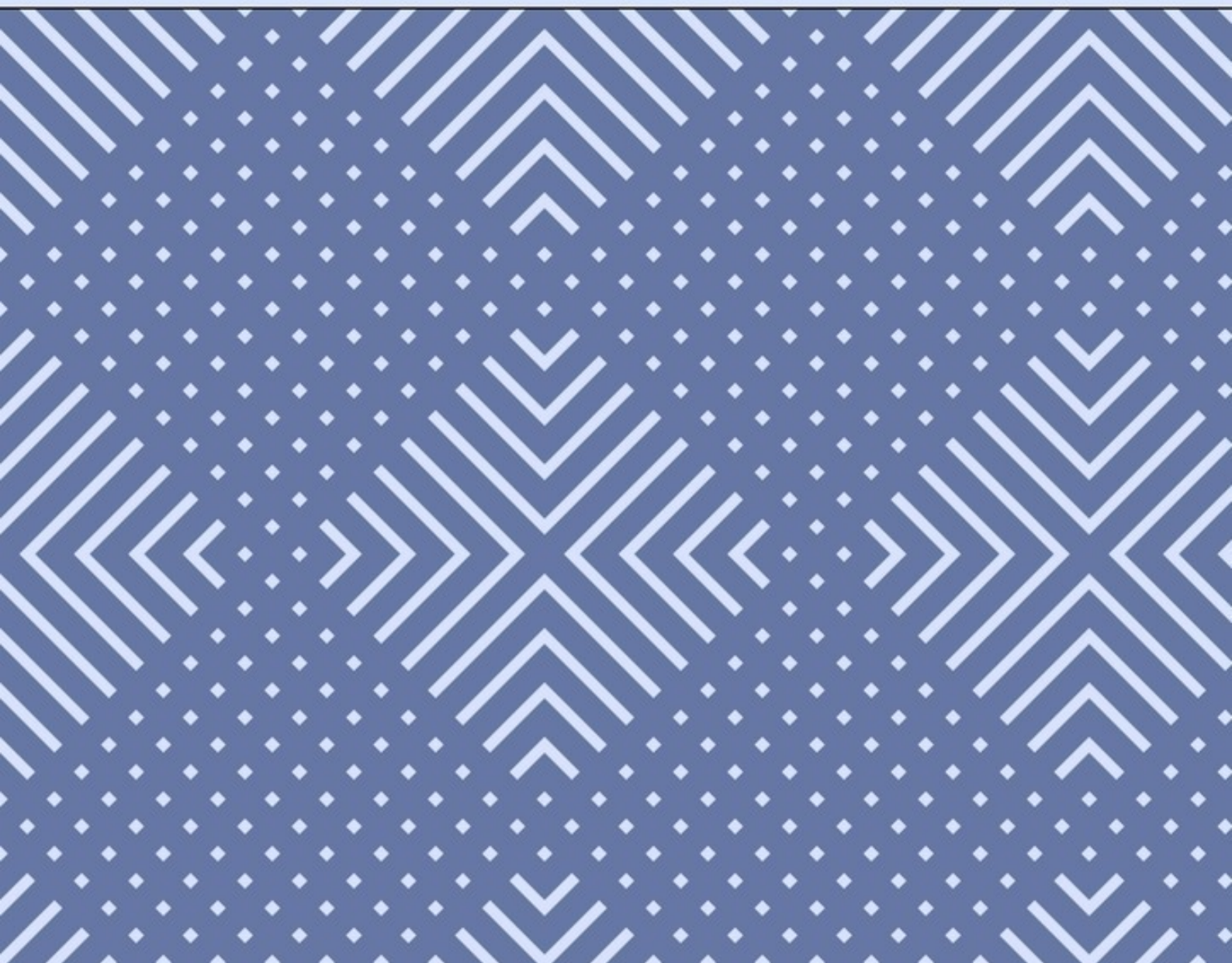

Ева Кондрашева

*Окружённые
страхом*

Ева Кондрашева
Окружённые страхом

«Издательские решения»

Кондрашева Е.

Окружённые страхом / Е. Кондрашева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855117-8

В книге рассказывается о жизни американских питбультерьеров в питомнике. Окружённые страхом, полностью зависимые от человека и бесконечно преданные ему собаки являются главными героями книги.

ISBN 978-5-44-855117-8

© Кондрашева Е.
© Издательские решения

Окружённые страхом

Ева Кондрашева

Памяти Дмитрия Воробьева

© Ева Кондрашева, 2017

ISBN 978-5-4485-5117-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Он был должен по чуть-чуть, но многим. Общая сумма его мини-кредитов достигла уровня их возможного выбивания с помощью горячего утюга. Но по отдельности каждый из них тянул только на то, чтобы пару раз съездить по роже. В общем, Дима скрывался от всех кредиторов в целом и от каждого в частности. Наконец, настал тот критический момент, когда он начал бояться выходить на улицу. Так что, случайно увиденное объявление о работе за пределами Питера пришлось как нельзя кстати. В нём говорилось, что требуются работники по уходу за собаками в питомнике, расположенном в Ленинградской области. Дима тут же заявил, что он заядлый собачник и просто мечтал о такой работе. Ну, какой он собачник, я поняла ещё когда он притащил подруге щенка, сказав, что это будущий пудель, а тот оказался ризеншнауцером.

– Ну что, звоним? – спросил он.

– Как хочешь, мне-то что?

Воодушевлённый, Дима побежал в коридор – к телефону. Вернулся он не в самом радужном настроении.

– Прикинь, там питбули, – растерянным голосом сообщил он.

– Нифига себе. Ну что, не поедешь?

– Нет, я согласился. Только это... – и в Димкином голосе, и в этой паузе замаячило что-то подозрительное.

– Так. Чего там?

– Ну, хозяйка хочет, чтобы там пара работала, – «что-то подозрительное» стало приобретать совсем недобрые очертания.

– А я тут причём? – спросила я, приготовившись к яростной обороне.

– В общем, я сказал ей, что мы брат и сестра, и что мы согласны.

Моему бессильному негодованию не было предела.

Дима был младшим братом нашего одноклассника. Нашего – это моего и моей одноклассницы Этери. Она переехала в Петербург ещё в девяносто первом году, а я перебралась туда же в девяносто восьмом. И когда в двухтысячном в Питере объявился Дима, мы поначалу обрадовались: здорово, в полку алма-атинцев прибыло! Радовались мы до появления здешних Димкиных кредиторов. Но какое-то странное чувство землячества, свойственное видимо всем казахстанцам, не давало послать его куда подальше. Браня земляка на чём свет стоит, мы перемещали его по городу с места на место. На момент обнаружения спасительного объявления Дима скрывался у меня в коммуналке. В общем, назначение меня его сестрой было мне совсем не нужно.

– Блин, Дима! Какого чёрта?! Какая на фиг сестра?! Чтобы ко мне твои кредиторы потом приходили?!

– Да ладно, чо ты? Я же тихо сижу...

– И вообще! Я ни за какими собаками присматривать не собиралась. Я их боюсь. И с какой это радости мне в область ехать?

– Да это близко совсем. Двадцать пять минут от метро на маршрутке. Это Павлово. Она говорит, там у неё второй дом от реки... Там красиво... Поехали, а?..

«Да и чёрт с ним, – подумала я, – Всё равно я тут сейчас без дела сижу. Скоро лето. А там природа, река... В конце концов, если что – развернусь и уеду».

Хозяйку питомника звали Алефтина. Мы встретились у метро «Рыбацкое» и поехали смотреть будущее место работы.

Это действительно оказался второй от Невы дом. Двухэтажное незавершённое строение располагалось на участке в десять соток. Напротив входа в дом стояла будка, перед которой, увидев визитёров, начала суетиться собака.

– Знакомьтесь, это Зинка. Она самая вредная из всех, – сказала Алефтина. А Зинка зазывно поскуливала, и когда мы подошли к ней, повела себя очень прилично: и погладить себя дала, и лапку протянула, и хвостом виляла весьма интенсивно.

– Да вроде, нормальная собака, – высказались мы с Димой в один голос.

– Ой, это она по-первости такая! А потом она ещё вам покажет! – засмеялась Алефтина и повела нас в дом.

На первом этаже были две большие комнаты (метров по сорок каждая), какая-то маленькая каморка и помещения для собак. Вольеры располагались по обеим сторонам длинного прохода, освещённого лампочками без плафонов. От этого прохода вольеры отделяли фанерные двери с решётчатым верхом, запиравшиеся на шпингалеты.

Ещё на улице мы услышали залиvistый лай, доносившийся из дома. Но, войдя в вольеры, про лай, который здесь был просто оглушительным, мы позабыли. Потому что увиденное превзошло все наши трусливые ожидания: по обе стороны от нас – в решётчатых окнах – возникали, исчезали и снова взлетали вверх собачьи пасти. Псы прыгали, явно стараясь выбить двери. Казалось, они не лают, а кладают зубами. Впрочем, один пёс действительно не лаял. Он как-то зловеще похрипывал.

– Ой, вот этот что-то, совсем злой... – пролепетала я.

– Этот?! Да что вы! Он вообще добряк! – веселилась Арина, – Это же Манифест! Он совершенно безобидный. У него уже даже зубы-то не все.

Звучало это, как-то неубедительно. Казалось, что часть зубов добряк Манифест просто оставил в несчастной жертве.

Мы не стали задерживаться в вольерах и прошли в 40-метровую комнату, где предполагалось когда-нибудь поставить ринг для собачьих боёв, но пока она использовалась как жилая. В этой комнате нас встретил... Ярко-рыжий питбуль. И питбуль этот не был привязан. Он вольготно развалился в кресле. Увидев нас, пёс подскочил и начал радостно скакать. Я подумала, что он благодарит хозяйку за то, что привела ему обильный ужин.

– А это Терминатор, – представила пса Алефтина, – Он в этой комнате на свободном поселении. Обычно у всех тут любимчики появляются. Их забирают из вольера в комнату. Вот этот – Серёгин любимчик. Но Сергей уезжает. Так что я новых людей ищу за собаками присматривать. А Тёма у нас дрессированный. Остальные-то просто спортсмены. Я их не дрессирую. Имейте в виду, он очень умный и хитрый. И намордник на него надевать бесполезно: он его за пару секунд снимает.

А Терминатор слушал хозяйку и улыбался. Причём, улыбался как человек – растягивая губы, но не скалясь.

– Его бы куда-нибудь пристроить, – продолжала Арина, – У него почки отморожены. На бои не выставить, а для разведения у меня другие... Если только для притравок...

– А зачем вообще бои нужны? – спросила я.

– Породу поддерживать. Лучших в разведение пускают.

– А разве бои не для тотализатора?

– Да ну! Там ставки чисто символические. Долларов по сто. Ну зрители ещё могут между собой пари устроить. Но суммы совсем маленькие. А вы наверное кино насмотрелись? Бои эти только специалистам интересны: как собака себя в ринге ведёт, какие качества в бою проявляет. И потом, их же драться не заставляют. Если собака только отвернулась от соперника, значит, она больше драться не хочет. Всё тут же прекращается. Побеждает не тот, кто кого-то загрыз, а тот, кто волю проявил. А вообще, чего я вам рассказываю? В воскресенье притравки будут. Придётся и посмотрите. Нет, бывают конечно и бои с тотализатором. Но это очень редко.

– А притравка – это как?

– Ну, это тоже бой, только очень короткий. Не на победу, а чтобы проверить поведение собаки. Притравка обычно минут десять-пятнадцать идёт. Да сами увидите в воскресенье.

– А почки у Терминатора почему отморожены?

– Ох... Работники-то сюда в очередь не стоят. Кого у меня только тут не было! Как-то семейка поселилась: я приезжаю, а собаки воют, скулят и худые, как щепки. Оказалось, что эти сволочи корм продавали, а собак не кормили. А другие просто уехали, ничего не сказав. Я и не знала, что здесь уже никого нет. А дело зимой было. Несколько дней дом нетопленный стоял. Ну, собачки и подмёрзли.

Слушать Алефтину было как-то странно: она вроде бы и переживала за своих питомцев, но рассказывала о произошедшем как-то уж очень легко и непринуждённо.

Мы заглянули в другое просторное помещение, на данный момент являвшееся кухней; нам показали сарай, в котором хранились дрова, и примыкавший к нему курятник с какими-то облезлыми квохчущими созданиями. Закончив обзорную экскурсию, Алефтина отвезла нас в Питер.

А в воскресенье мы опять встретились с Алефтиной у метро и поехали на притравки.

Нас привезли то ли на стройку, то ли на базу, то ли на контейнерную площадку. Мероприятие проходило на открытом воздухе, под большим металлическим навесом. Здесь уже был установлен ринг и небольшая выгородка для ветеринара. Плата за вход составляла 50 рублей с человека. Алефтина пояснила, что это должно покрыть расходы на аренду пространства под навесом.

Зрителей было человек тридцать. Все топтались вокруг ринга. Наконец, откуда ни возьмись, появились два хозяина со своими питомцами. Собак, похоже, держали в машинах до последнего момента, чтобы они не видели друг друга. На притравках, которые проводились в этот день, проверяли совсем молодых питбулей, на предмет их желания драться.

Хозяева с бойцами вошли в ринг с двух противоположных углов. Увидев друг друга, собаки сразу продемонстрировали горячее желание отгрызть противнику голову. Несколько секунд хозяева их придерживали. Наконец рефери подал знак, и молодые псы рванулись в центр ринга, где и врезались друг в друга. Звук столкновения был жутковатым. Дрались соперники молча, только иногда издавая глухое урчание. Раздался короткий скрежет одной кости о другую. Мы с Димкой стояли у ринга, оторопело переглядываясь. Ощущение было весьма неприятное.

– Ну всё, растаскиваем! – раздался чей-то голос, и люди, как-то уж очень легко, растащили бойцов, подхватили их и унесли в разные стороны.

– Ну как? – спросила подошедшая к нам Алефтина.

– Да как-то жутковато, – сказала я, – чёрненький коричневому аж до кости голову прокусил...

– Да что вы?! Это они только оцарапали друг друга. От самых опасных укусов питбуля крови-то немного. У них же в челюстях давление в несколько атмосфер. И вот от этого давления внутренние органы страдают, а крови может и не быть.

Звучало совсем устрашающе. И позже я убедилась в правдивости этих слов.

– Так им руку отхватить, как нефиг делать... – пробормотал Дима.

Такого эффекта Алефтина, видимо совсем не хотела.

– Да ничего они не отхватят, – попыталась она смягчить картину, – судья ведь не войдёт в ринг, если не доверяет собакам.

Аргумент был убедительным, но недостаточно.

– О! Ну-ка, идёмте, – уверенно сказала Алефтина и повела нас к выгородке, где работал ветеринар.

А там недрессированная псина, только что свирепо бившаяся в ринге, смиренно стояла... Без намордника! И не просто стояла, а виляя хвостом терпеливо переносила всё, что делала хрупкая девушка-ветеринар.

– Видите? – торжествовала Алефтина, – Это, пожалуй, единственная порода, на которую во время лечения можно намордник не надевать.

Бойцу-дебютанту делали уколы и накладывали швы, а он вилял хвостом, явно радуясь оказываемому вниманию.

Мы были сражены.

В тот день было ещё несколько притравок, из которых особенно запомнилась предпоследняя. Бойцов так же выставили в ринг по разным углам, рефери подал знак, собак отпустили. Какое-то время они недоумённо смотрели друг на друга, потом рванулись в центр ринга и... Начали играть! С ринга их уводили под громкие аплодисменты.

– Вот эти ещё не хотят драться, – пояснила Алефтина, – Как мы говорим, собаки ещё не «включились».

– А когда они обычно «включаются»?

– По-разному. Кто месяцев в десять, а кто и в два года.

– А почему? В смысле, почему они дерутся?

– Каждый считает себя лучшим. Другая собака для них – это соперник, который покушается на их чемпионство. У них это не столько злость, сколько... Ну я не знаю, азарт, что ли... Даже слово специальное есть, которое определяет эту волю к победе: «геймность». Хороший питбуль должен быть не злым или каким-то сверхсильным, а именно геймным.

– А если собака так и не захочет драться?

– Значит, не бойцовая. Питы вообще делятся на бойцовых и шоу. Шоу-питбулю минут пятнадцати в ринге хватает, чтобы пар выпустить. А дальше ему это не интересно. Но и шоу-питбуль от любой собаки на улице защитит.

– Но они нас там точно не загрызут? – спросила я. Дима наступил мне на ногу и стал активно пихать в спину.

– Загрызть конечно не загрызут, но хвостами забить могут, – засмеялась Алефтина.

Итак, через пару дней, погрузив к Алефтине в машину вещи, мы поехали на работу.

* * *

Забросив пожитки в жилую комнату, мы отправились с Алефтиной осматривать питомник. Только теперь это была не экскурсия, а инструктаж.

На кухне стояло несколько клеток с питбулями. Хозяйка представляла каждого пса.

– В вольерах не всем места хватает. Так что некоторые пока в клетках, а кое-кто и на улице. Это Шварц, – показала она на угольно-чёрного кобеля, – он бойцовый. Так что его можно не бояться.

Шварц радостно вилял хвостом и, несмотря на тесноту клетки умудрялся поколачивать передними лапами по полу.

– Да, он у нас барабанщик, – смеялась Алефтина.

Один пёс никак не реагировал на окружающее: не скулил, не лаял, не вилял хвостом. Он просто сидел в клетке.

– А вот с этим надо быть поосторожнее, – сказала Алефтина, – Он домашний, и наверняка, его дрессировали. Но чему его обучали, я не знаю. Поэтому, никаких гарантий. Хозяин его умер. Вдова уехала за границу. А его не пустили. Она куда-то уезжала, где питбули запрещены.

– А как его хоть зовут?

– Арго.

Я наклонилась к клетке. Пёс смотрел не злобно, не радостно и не грустно, а как-то равнодушно устало.

– В вольерах надо убирать. А собак из клеток надо выгуливать. Возле уличных будок тоже надо убирать, – инструктировала Алефтина.

На кухне была газовая плита, работавшая от баллона. На ней стояла громадная выварка.

– В этой кастрюле варится каша для собак. Значит, берёте пять кружек гречки, пять кружек риса и, как закипит, бросаете туда пачку овсянки. Выключаете и оставляете на несколько часов. Вечером заварили – утром каша готова. Покормили собак – заварили на вечер. А вон там, – показала Арина в угол, – мешки с сухим кормом. Его с вечера надо по мискам раскидать и залить водой. К утру он набухнет. Добавляете по кружке каши и кормите собак. Потом моете миски и замачиваете корм на вечер.

Мы вышли во двор и обошли собак, которые сидели на улице.

– Если кто-нибудь из них сорвётся с цепи, обязательно сцепится с другой собакой. Это их хлебом не корми, – бодро вещала Арина, – тогда возьмёте в доме стэк, и расцепите их.

На самых видных местах в доме лежали и висели клиновидные плоские палочки. Это и были стэки, с помощью которых разжимали собачьи челюсти. Стек вставлялся в пасть питбуля и проворачивался. Челюсти размыкались. Именно так и разъединяли псов во время виденных нами притравок.

– Вот тут дрова лежат. Ну, я вам в прошлый раз показывала. Печь в доме нагревает котёл и оттуда вода в батареи поступает. Будете топить, смотрите, чтобы батареи не щёлкали. А то ещё котёл взорвётся...

Мне казалось, что от всех этих инструкций взорвётся моя голова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.